

К ВОПРОСУ О НАЗВАНИИ И ДАТЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ФЕМЫ В ТАВРИКЕ

Согласно данным трактата “Об управлении империей” Константина VII Багрянородного и сочинения Продолжателя Феофана, толчком к созданию византийской фемы в Таврике в правление Феофила (829-842) послужил доклад императору спафарокандидата Петроны Каматира по возвращению из экспедиции в Хазарию, где он, по просьбе посольства каганата, возглавлял строительство крепости Саркел на р.Танаис (Дон) (1, с.172-173; 2, с.56-57). Таким образом, хронология отмеченных событий (посольство хазар в Византию, экспедиция Петроны, строительство Саркела) связана между собой и определяет время учреждения фемы в Крыму.

В историографии указанное сообщение византийских источников привлекло внимание к себе в связи с проблемой установления даты возникновения крепости Саркел. А.А.Куник, Ф.Вестберг относили этот эпизод к 835 г., а причину акции видели в печенежской угрозе хазарским территориям, основываясь на буквальном понимании текста Продолжателя Феофана (3, с.85; 4, с.51; 5, с.236). Ф.И.Успенский справедливо отрицая возможность подобной угрозы для IX в., переносит указанные события к началу X в. (конец 903 - начало 904 гг.). По его мнению, строительство Саркела и учреждение фемы в Таврике не связаны между собой¹. Первое упоминание херсонского стратига относится к 892 г.², построенная же Петроной крепость на Дону является не хазарской, а византийской. Следовательно, в начале X в. византийские владения в Северном Причерноморье охватывали не только Крым, но и области Подонья (6, с.257-259, 288-292). Эту концепцию полностью воспринял Н.Знойко (7, с.261). Однако, В.Г.Васильевский показал несостоятельность подобной трактовки данных указанных источников. Строительство крепости на Дону, учреждение византийской фемы в Таврике — последовательные события, происходившие около 837 г. (9, с.273-289). Его точку зрения поддержал Ю.А.Кулаковский, хотя он без особой аргументации отнес рассматриваемый эпизод к 839 г. (10, с.73).

Для развития традиционных представлений о времени строительства Саркела и учреждения фемы в Таврике важное значение имели работы А.А.Васильева. Его выводы о хронологии указанных событий основаны на сообщении Продолжа-

¹ Устоявшаяся точка зрения в современной науке, основанная на сообщении Константина Багрянородного, относит вытеснение мадьяр печенегами из южнорусских степей к 90-м гг. IX в. (1, с.154-155).

² У Продолжателя Феофана, убийство стратига Херсона Симеона, о котором идет речь, приурочено к событиям болгаро-византийской войны в правление болгарского правителя Симеона (893-927), хронологически следуя за сообщением о поражении византийцев при Булгарофигоне в 896 г. (2, с.150, 311; 8, с.199).

теля Феофана о том, что прибытие хазарского посольства в Византию и последовавшие после этого действия византийского правительства происходят на следующий год после вступления на патриарший престол в Константинополе Иоанна VII Грамматика (2, с.56). По мнению ученого, это событие относится к 832 г. (12, с.141). Следовательно, посольство кагана и пеха Хазарии, строительство Саркела и учреждение фемы в Таврике датируются временем около 833 г. (11, с.220-226). Этот вывод нашел место во многих обобщающих работах советских и некоторых зарубежных историков (16, с.186-187; 17, с.48; 13, с.48; 14, с.55; 15, с.298-302; 18, с.151-154; 19, с.45,353; 20, с.206; 8, с.75; 21, с.71; 22, с.183). Однако, в дальнейшем дата начала правления Иоанна VII Грамматика стала предметом научной дискуссии. Еще Ф.И.Успенский в специальной статье определял ее периодом 834-837 гг. (23, с.10). В.Грумель в 1935 г. признал 837 г. как наиболее вероятную дату вступления Иоанна на престол патриарха. Его поддержали Г.Острогорский, С.Манго, А.Брейе и Дж.Херрин (24, с.100; 25, с.6; 26, с.179). В последнее время в историографии наиболее обоснованной представляется датировка У.Тредголда — 21 апреля 838 г., с которым солидарны Я.Н.Любарский и К.Цукерман (2, с.283-284; 27)³.

Установленная дата принятия Иоанном VII Грамматиком патриаршего сана позволяет по-новому представить хронологию событий, связанных с возникновением фемы в Таврике. Согласно Продолжателю Феофана, после избрания нового патриарха и последовавшей на следующий год арабо-византийской кампании, вероятно, лета 839 г., в Константинополь прибывает хазарское посольство (2, с.56). Прием его Феофилом мог состояться, ввиду занятости императора на восточной границе, только в конце лета - начале осени 839 г. Оставшиеся месяцы этого года должны были быть посвящены подготовке экспедиции: сбор флота (кроме императорского были использованы корабли катепана Пафлагонии), наем ремесленников-строителей, доставка в столицу мраморных колонн и капителей, обнаруженных во время раскопок Саркела (15, с.302), извещение властей Херсона о необходимости приготовления судов, более удобных для речного плавания. Все эти мероприятия, а также приближение несудоходного периода на Черном море, вряд ли свидетельствуют об отправке экспедиции в 839 г. Скорее всего, отъезд Петроны может быть отнесен к следующему, 840 г. По Константину Багрянородному, путь от устья Дуная до Саркела, вероятно, через Херсон и р.Дон, исчислялся 60 днями (1, с.172-173). Путь экспедиции из Константинополя к Саркелу, скорее всего, через Синоп, Херсон, где Петрона и его спутники поменяли суда, р.Дон, занимал, несомненно, несколько большее время. Следовательно, прибытие "византийской миссии" на место следует отнести к лету 840 г. Достаточно много времени (возможно, все лето 840 г.) должно было уйти на подготовку места для строительства и изготовления необходимого материала. В оставшиеся месяцы этого года возводилась сама крепость, после чего Петрона возвратился в столицу (1, с.170-173). Сделанный им доклад Феофилу о необходимости иметь в Херсоне стратига, назначенного из Константинополя, произвел впечатление на императора. Вероятно, прав М.И.Артамонов, предполагая, что функции Петроны не ограничивались строи-

³ Приносим благодарность К.Цукерману за возможность ознакомиться с его статьей, находящейся в печати.

тельством Саркела (15, с.302). Его личное ознакомление с меняющейся политической ситуацией в Северном Причерноморье вынудило византийское правительство принять меры по укреплению своих позиций в этом регионе.

Первым стратигем византийской фемы в Таврике стал тот же Петрона, получивший чин протоспафария (1, с.172-173; 2, с.56-57). Исходя из представленной хронологии, появление ее может быть отнесено к весне - лету 841 г., не позднее, так как 20 января 842 г. Феофил умер (2, с.62). Этот новый хронологический ряд событий, предложенный К.Цукерманом, на наш взгляд, достаточно убедителен (27).

Новое административное образование, под именем фемы "Климатов", упоминается уже в Тактиконе Успенского (составлен в 842-843 гг.), где "патрикий и стратиг Климатов" замыкает список правителей фем после стратигов Диррахия и Крита (19, с.47-49). На существование фемы указывают данные сфрагистики и нумизматики. Остановимся на них. Из печатей известны, по крайней мере, две, которые, с большей или меньшей долей вероятности, принадлежат стратигу новой административной единицы. Первая из них, опубликованная И.В.Соколовой, содержит на реверсе фрагмент надписи "...Кл(иматов) Херс(она)" (21, с.149-150, № 14). К.Цукерман предлагает, усмотрев слабо различимую аббревиатуру в виде союза $\kappa\alpha\iota$ (и), читать "τῶν Κλιματῶν (καί) Χερσ(ῶνος)" (27). Оба исследователя полагают, что печать принадлежала стратигу фемы в Херсоне. Другая печать опубликована Дж.Несбиттом и Н.Икономидисом и принадлежит чиновнику "...пяти Климатов" (τῶν πέντε Κλιματῶν), которого издатели отождествляют со стратигом крымских климатов (22, с.182, № 81.1). Из нумизматических данных отметим находку бронзовой литой монеты в Северном районе Херсонеса с аббревиатурой на аверсе — МВ, на реверсе — КЛ и, возможно, ниже А.М.Гилевич расшифровывает последнюю как "Климаты" и связывает ее с фемой Климаты в Крыму (28, с.217). По поводу датировки находки, зависящей, главным образом, от интерпретации литер на лицевой стороне, у специалистов нет единого мнения. В.А.Анохин относил выпуск монет с МВ на аверсе к единоличному правлению Михаила III (842-866); по его мнению, М — имя императора, В — титул (басилевс) (29, с.113-116). И.В.Соколова и А.М.Гилевич склоняются ко времени совместного правления Михаила III и Василия I (866-867) (21, с.37-39; 28, с.217-218).

Приведенные выше данные различных видов источников, таким образом, позволяют отнести учреждение фемы в Таврике, под именем Климаты, к концу правления Феофила — весне-лету 841 г.

В недавней статье И.А.Баранов вновь попытался реанимировать концепцию Ф.И.Успенского и Н.Знойко (30, с.139-143). Разделяя важность проблем, затронутых им, соглашаясь с дискуссионным характером многих из них, мы, тем не менее, не согласны с той решительностью, с которой исследователь трактует некоторые вопросы истории институтов власти византийской Таврики в раннее средневековье. Ввиду тематической и хронологической близости нашей работы и статьи И.А.Баранова, рассмотрим последовательно его аргументацию.

В начале о хронологии создания фемы в Таврике. Как и Ф.И.Успенский, И.А.Баранов полагает, что Константин VII Багрянородный ошибочно отнес собы-

тия конца IX - начала X вв. ко времени Феофила; упоминаемый им Петрона Каматир должен быть отождествлен с Петроной из сочинения Иоанна Камениаты "О взятии Фессалоники" (30, с.139-140). Эта гипотеза была убедительно отвергнута еще В.Г.Васильевским. Имя Петроны было достаточно широко распространено в Византии, в том числе и среди видных государственных чиновников. Например, патрикий Петрона (брат императрицы Феодоры и кесаря Варды, то есть шурина императора Феофила, стратиг Фракийской фемы, затем domestик схол в 860-е гг.) (2, с.74, 76-80; 8, с.173; 31, с.134, 137), Петрона, приближенный к императору Роману I Лакапину (919-944) (2, с.168), Петрона Трифиллий, живший в правление Льва VI Мудрого (886-912) в Солуни (9, с.282), Петрона Воила, протоспафарий, катепан Никополя в 40-е гг. X в. (1, с.200-201) и так далее. Не случайно, Петрона у Константина Багрянородного назван родовым именем "Каматир". Таким образом, совпадение имени и звания (протоспафарий) не может являться доводом для отождествления лиц, упоминаемых в источниках.

Что же касается идентичности рода занятий у обоих чиновников, на чем настаивает вслед за Ф.И.Успенским И.А.Баранов, то здесь следует вновь обратиться к источникам. Если строительная (фортификационная) деятельность Петроны Каматир вполне допустима, то Петрона Иоанна Камениаты предстает перед нами в большей мере как военный, посланный лично императором в город, которому угрожала внешняя опасность (1, с.170-173; 6, с.259-260). Вся строительная деятельность последнего свелась к сооружению подводного заграждения против арабского флота из надгробий со старого "эллинского" кладбища, что может говорить скорее о смекалке и находчивости протоспафария, чем о его основательной "фортификационной" подготовке (6, с.260). Впрочем, приближение противника и не оставляло времени для всесторонней реконструкции укреплений Солуни. Как видим, убедительных аргументов у сторонников отождествления обоих Петрон нет.

И.А.Баранов полагает, что теоретически можно допустить существование управления стратига в Херсоне в 833-842 гг., так как в Тактиконе Успенского упомянуты уже только архонты города (30, с.140). Однако, выше мы уже показали, что эта хронология не точна. Учреждение фемы в Таврике происходит не ранее весны-лета 841 г. Отсутствие же в упомянутом Тактиконе стратига Херсона объясняется тем, что в это время фема носила иное название — Климатов.

И.А.Баранов отрицает возможность локализации области с таким названием на Крымском полуострове (30, с.142). Он полагает, что для этого отсутствуют данные источников; вслед за своими предшественниками, исследователь помещает Климаты на Дунае (30, с.142; 32, с.425; 18, с.157-158). Отметим, что в указанных работах речь идет о топониме (области или городе) так называемого "Анонима Газе" (в русскоязычной литературе "Записка Готского топарха"), документе весьма загадочном; некоторые историки видят в нем даже фальшивку (33, с.117-188). На сегодняшний день, использование этого памятника в каких-либо серьезных научных построениях, на наш взгляд, невозможно.

Анализ возможности употребления термина "Климаты" по отношению к Таврике необходим. Уже В.Г.Васильевский дал достаточно полную характеристику различных значений этого слова ("склон"; широтные пояса - климаты - в гео-

графической литературе; область, провинция, регион в целом; административная единица) (32, с.420-421). Остановимся на последних трех.

Действительно, в византийской, арабской, западноевропейской литературе эпохи средневековья, восходящей к античной традиции, этим термином назывались широтные пояса Земли, идущие с севера на юг параллельно экватору (34, с.9; 35, с.340-341; 36, с.218-219). Согласно сведениям арабских географов IX в. (ал-Хваризми, ал-Фаргани), V-VII климатам, к северу от которых находились малоизвестные пределы ойкумены, соответствую территории от области Геллеспонта и Смирны в Малой Азии до устья Борисфена (Днепра) (36, с.384, ком.15). Однако, четкой границы между этими климатами нет. Поэтому неубедительно выглядит утверждение И.А.Баранова о том, что печать чиновника “пяти Климатов” не может относиться к феме в Таврике (30, с.142). Нам кажется, что здесь следует согласиться с мнением специалистов в области сфрагистики (22, с.182).

Бесспорно, во многих источниках “климаты”, в смысле области, провинции, региона, использовались как имя нарицательное при определенных географических понятиях: Фракийские климаты, Херсонские климаты, Галльские климаты, климаты Хазарии, климаты от Херсона к Боспору (1, с.52-53; 18, с.151-157; 32, с.421-424; 37, с.36).

Однако, в Тактиконе Успенского этот термин употребляется как имя собственное, обозначающее конкретную административную единицу, не требующую дополнительного указания на ее местонахождение в виде какого-то известного центра или области (19, с.48-49). В таком же смысле, хотя и как имя нарицательное, “климаты” используются в сочинении Константина VII Багрянородного (1, с.36-37, 52-53, 156-157, 170-171, 174-175), как области, лежащие в Таврике между двумя географическими пределами — Херсоном на западе и Боспором на востоке.

Чтобы уяснить смысл подобного выделения указанного понятия, посмотрим, как в византийских источниках интересующего нас периода обозначались эти территории.

Прокопий Кесарийский упоминает в Таврике страну Дори, лежащую в высокогорной земле, населенной искони готами, при побережье Понта, на котором находятся города Херсон и Боспор (8, с.110-111; 39, с.249-250; 40, с.13-14). Большинство исследователей локализует эту область в юго-западном нагорье Крыма, полагая, что она граничит с округой Херсона (11, с.181-182; 13, с.25-26; 41, с.113; 42, с.62; 43, с.132; 38, с.105-117; 44, с.135-136; 45, с.319-333)⁴. О территориальной близости Дори и Херсона свидетельствует также подпись Георгия “...епископа Херсона Дорантского” (Γεώργιος ἑπίσκοπος ἑλισχολος Χερσῶνος τῆς Δοραντος) в актах Трулльского собора 692 г. (11, с.189; 62, с.151). А.А.Васильев, вслед за Томашеком, полагал, что в подписи между Херсоном и Дорантом выпал союз “и”, то есть в церковно-территориальном значении — это различные округа (11, с.189-190). Его поддержал ряд исследователей (44, с.135). Однако, на наш взгляд, более предпочтительной выглядит точка зрения о том, что эта подпись принадлежит именно епископу Херсонеса Дорийского (13, с.40; 46, с.69). В этом

⁴ Гипотеза о южнобережной локализации Дори (Э.И.Соломоник, О.И.Домбровский) (40, с.11-44) в настоящее время признана несостоятельной.

источнике город Херсон является не только пунктом, расположенным в области Дори, но и центром архиепископии, охватывающей, по крайней мере, часть территории Дорийской земли. Отметим, что в актах указанного собора есть подписи епископов других городов империи, для уточнения местонахождения которых указываются епархии или области, в которых они находятся. Например, подписи Иоанна “ἐπίσκοπος <Κίου> τῆς Βιθυνῶν ἐπαρχίας” и Феодора “ἀνάξιος ἐπίσκοπος Κοτράδων τῆς Ἰσαύρων χώρας” (62, с.151)⁵. Таким образом, подпись Георгия в актах Трулльского собора является свидетельством того, что к концу VII в. Херсон и область Дори имели единого епископа с резиденцией, очевидно, в Херсоне. Вероятно, поэтому в нотиции этого времени (Not.1) для Крыма упоминаются только архиепископии Херсона и Боспора, входившие в состав Зихийской епархии (47, с.173-174; 54, с.7-9, 215). Можно предположить, что с архиепископом Херсона отождествляется анонимный епископ Готии в Житии Иоанна Готского (составлено в 815-842 гг.), участвовавший в иконоборческом соборе 754 г. (48, с.126, 153; 49, с.26; 50, с.115; 51, с.161-169).

Границы церковного округа не обязательно должны были совпадать с политическими и административными пределами области. Тем не менее, приведенные данные свидетельствуют, бесспорно, о территориальной близости Херсона и Дори, а сам термин “Дори” к концу VII в. настолько был хорошо известен в официальных церковных кругах Византии, что мог быть использован для обозначения области, в которой находился Херсонес Таврический.

Вплоть до последней трети VIII в. отсутствуют свидетельства современников о Таврике. Поэтому, используя данные источников последней трети VIII - середины IX в. о более раннем периоде, следует учитывать этот момент.

Топоним “Дори” для обозначения области, где находился Херсон, в этот период не используются. Но в “Бревиарии” Никифора (составлен в 70-80-х гг. VIII в. (37, с.147; 52, с.12)) и в “Хронографии” Феофана (написана около 815 г. (37, с.18; 52,Ю с.12)) отмечена крепость Дорос (Дарас), лежащая в земле готов (Никифор), куда бежал из Херсона опальный император Юстиниан II, и откуда он завязал сношения с хазарским каганом (37, с.39, 155; 52 с.102-103). Она же, несомненно, упоминается в Житии Иоанна Готского (48, с.127). В современной науке нет единого мнения по поводу локализации Дороса. На наш взгляд, наиболее обоснованным представляется отождествление его с византийской крепостью Мангуп в Юго-Западном горном Крым (42, с.66-69; 44, с.135-136; 53, с.59-60)⁶.

Дорос, как центр Готской митрополии, упоминается в нотиции, опубликованной Де-Боором в 1891 г. (54, с.230-245). Этот документ вызвал дискуссию в научных кругах. Ю.А.Кулаковский, как и издатель памятника, признавал его подлинность и относил время его создания ко второй половине VIII в. (47, с.176-178). Некоторые историки считали нотицию позднейшей переделкой, возникшей не ранее XI в. (11, с.210-216; 5, с.121). Последний издатель, Ж.Даррузе, признавая компилятивный характер памятника, определенные неточности и ошибки, тем

⁵ Города ὁ Κίου и ὁ Κοτράδων, как центры епархий, употребляются в Not.1 (конец VII - начало VIII вв.) (54, с.215).

⁶ Полная библиография вопроса представлена в работах М.А.Тихановой, А.Г.Герцена, В.А.Сидоренко (45, с.319-333; 44, с.101-102; 38, с.105-117).

не менее, датировал список 787 г. — концом IX в. Как И.В.Мошин, он считал, что нотиция не носила официального характера, но ее составитель - свидетель реальных источников, которыми он комбинирует (54, с.20-33). Для целей нашей работы важно отметить, что и в этом памятнике в представлении византийца, имевшего доступ к официальным церковным документам своей эпохи, область Готии и Дорос связаны между собой.

О земле готов, в которой находился город (крепость) Херсон, или с которой он был территориально близок, свидетельствуют данные агиографии. В грузинской редакции Жития апостола Андрея (XI в.) Херсон лежит в земле готов и назван "городом Готфов" (56, с.282). Житие Евгения Трапезунтского (середина XIV в.) сообщает о Херсоне и находящихсся там климатах Готии (τῆς Χερσῶνος καὶ τῶν ἐχέτοε κλιμάτων Γοτθίας); в другом месте источника последние названы просто "климатами Херсона" (ἐκ τῶν κλιμάτων Χερσῶνος) (18, с.151). В Житие Феодора Студита (составлено после 868 г.) и в одном из его писем (808 г.) рассказывается о топархах Готии и Боспора в областях Таврики, последовавших в прелюбодействе Константину VI; когда же святой открыто выступил против незаконного брака императора, поддержали его в этом епископы и пресвитеры "в областях (κλίμασι) от Херсона к Боспору" (57, Т.1, с.14-16, Т.2, с.260-263; 32, с.423; 58, с.161-184; 50, с.116). Повествуя об этом эпизоде, Житие патриарха Никифора (написано после 842 г.) упоминает одного из правителей таврических климатов, совершившего, с точки зрения церкви, незаконный поступок (11, с.218; 58, с.109-111; 50, с.123).

Приведенные данные агиографии свидетельствуют, что в представлении церковной литературной традиции, начиная с середины - второй половины IX в. (в это время было создано большинство упомянутых памятников), областью, с которой соседствовала округа Херсона (города, крепости), являлась Готия, готская земля⁷; в более поздних источниках эти территории нередко отождествлялись.

Агиографы, лица, близкие к церковным официальным кругам, помещают в Готии крепость Дорос (к ним примыкает сообщение Никифора). Большинство историков считают возможным нахождение этого города (крепости) в области, совпадающей территориально с Дори VI-VII вв. в Таврике (60, с.210-215; 11, с.70; 45, с.325-327; 13, с.40-43; 42, с.65-69; 44, с.136-137; 38, с.116-117; 15, с.196-197). Следовательно, на основании приведенных источников, можно предположить, что области Дори и Готии имели близкие географические пределы, граничили с городом и округой Херсона, а по мере активизации использования этих хоронимов стали отождествляться с областью, в которой находился Херсонес Таврический.

Как видно, в агиографической литературе IX в. термин "климаты" использовался для уточнения конкретных географических понятий: готские, херсонские, таврические климаты. Посмотрим, сохраняется ли подобное его значение в византийской официальной и исторической литературе IX - первой половины X вв.

⁷ Вероятно, такое активное использование термина "Готия" связано с учреждением на этой территории епархии Готии, впервые официально зарегистрированной в нотиции времени Льва VI и первого патриархата Николая I Мистика (54, с.53-55; 47, с.174). Некоторые исследователи относят ее учреждение к концу VIII - началу IX вв. (55, с.121).

Феофан в своей “Хронографии”, повествуя о событиях, связанных со ссылкой папы Мартина I в Таврику, сообщает, что тот был отправлен “в Херсон и климаты” (629/630 гг.), под которыми понимаются буквально две различные, но связанные между собой, области. В других рукописях сочинения, однако, есть иное обозначение этого географического понятия. В списках *cod. Paris. Coislin. gr.133* и в *cod. Vatic. Palat. gr.395* местом ссылки папы являются “климаты Херсона”, что указывает на уточнения местонахождения именно “климатов”, расположенных, таким образом, близ Херсона; в *cod. Paris. gr. 1710* и *cod. Vatic. gr. 155* — “херсонские климаты”, где расшифровывается конкретное географическое понятие, близкое к значению области, региона; наконец, в *cod. Vatic. gr. 978* — просто в “климаты”, что означает область, не требующую дополнительного пояснения при упоминании (37, с.20, 36). Л.Табель в издании отрывков “Хронографии” (1852 г.), переводит это место, как “в Херсон и Климаты” (37, с.20,36). После этого, сообщая о смерти папы, Феофан говорит, что тот умер “в восточных климатах”. В *cod. Paris. gr. 1710* смысл этого пассажа уточняется: “в восточных климатах или же (ἤτοι) там (ἐκεῖσε) в Херсоне умерший” (37, с.20, 36). Такие же различия (“Херсон и климаты”, “климаты Херсона”, “херсонские климаты”) есть у Феофана в отрывке, посвященном ссылке брата императора Льва IV Никифора и его сподвижников в Таврику (37, с.20,46). Далее, сообщая о первой экспедиции Юстиниана II против Херсона (711-712 гг.), причину этой акции Феофан видит в заговоре против императора “херсонитов, босфориан и остальных климатов” (τῶν λοιπῶν αἰματῶν) (37, с.40). Никифор в “Бревиарии” уточняет смысл последних: “в Херсоне, Босфоре и других архонствах” (τῶν ἄλλων ἀρχοντῶν) (37, с.156; 52, с.106-107). В дальнейшем, повествуя об этих событиях, Феофан, за исключением Херсона и херсонитов, называет мятежников жителями “тех крепостей” (κάστρων); Никифор добавляет: “управляющих другими городами”, “архонты... тех областей” (τῶν χωρῶν) (37, с.40-41, 156-157).

Указанные сообщения показывают, что для авторов последней трети VIII - начала IX вв., близких к высшим официальным кругам Византии, “климаты” в широком значении этого слова означали территории Таврики, входившие в состав Византийской империи или традиционно находившиеся в орбите ее политического и культурного влияния. В более узком смысле, “климатами” назывались небольшие территориальные единицы (архонства), управлявшиеся архонтами (протевонами, “отцами города”), на которые подразделялась византийская Таврика. Херсон и Боспор, употреблявшие в основном здесь в значении города или крепости, являлись центрами таких же, как и остальные, климатов. Но особое их выделение объясняется как известностью и стратегическим значением, так и, возможно, первенствующим положением (Херсон) среди других климатов.

Исследователи указывают, что Феофану не была присуща точность в изложении конкретно-географической среды сочинения, так как он не придавал особого значения ей ввиду своего константинопольского партикуляризма (59, с.58-59). Однако, топонимическая основа для византийской Таврики Феофана близка к труду его современника Никифора. Оба автора, не знакомые, вероятно, с работами друг друга, пользовались сходным по составу набором источников (52, с.12). Тем ценней для нас близкое представление топографии данного региона у них.

Такое “игнорирование” Никифором и Феофаном сочинений друг друга объясняется, по мнению С.Манго, тем, что оба источника были введены в широкое использование не ранее 843 г., то есть значительно позже их написания (52, с.12). Трудно сказать, совпадение это или нет, но к этому времени относится составление Тактикона Успенского, где в первый и последний раз для обозначения фемы в Таврике в официальных источниках Византии был использован термин “Климаты”, как собственное имя (19, с.47-49).

Обратимся к “климатам” в трактате Константина VII Багрянородного “Об управлении империей” (составлен в 948-952 гг.). В этом сочинении ни к одному другому региону, кроме Таврики, этот термин, как имя собственное, не применяется. Кроме того, смысл вкладываемый автором в это понятие, вполне соответствует представлениям его предшественников.

В главе I сообщается: “Поскольку этот народ пачинакитов (печенегов)⁸ соседствует с областью (μέρος) Херсона, то они, не будучи дружески расположены к нам, могут выступать против Херсона (города или крепости), совершать на него (то есть Херсон) набеги и разорять и самый Херсон (крепость), и так называемые Климаты (τῶ λεγόμενα κλίματα)” (1, с.36-37). В этом отрывке понятия “области Херсона” и “Климаты” тождественны. Выделение крепости Херсон указывает на центральное значение ее для этой области⁹. В таком же значении упоминается “область (μέρος) Херсона” в главе 6 (1, с.40-41).

Глава II трактата названа “О крепости (τοῦ κάστρου) Херсона и крепости (τοῦ κάστρου) Боспора”. В тексте сообщается, что экссуиократор Алании может вредить хазарам “подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону (крепости)”. В этом случае миром пользуются “и Херсон (крепость), и Климаты”, так как хазары не решаются идти с войском “на Херсон (крепость) и Климаты” (1, с.52-53). Как и в главе I, под Климатами здесь понимается византийская Таврика, где располагаются крепости Херсон и Боспор.

В главе 37 говорится, что часть печенегов живет к востоку от р.Днепр, “по направлению к краям (μέρος) более восточным и северным, напротив Узии, Хазарии, Алании, Херсона и прочих Климатов (τά λοιπὰ κλίματα)” (1, с.156-157). Прилагательное λοιπός чаще переводится как “остальной”, то есть смысл последнего выражения может означать остальные области (μέρος, κλίματα) византийской Таврики, включавшей и область Херсона. Ниже в отрывке сообщается, что Пачинакия к Херсону “очень близка, а к Боспору еще ближе” (1, с.156-157). Крепости Херсон и Боспор здесь выступают в роли предельных географических ориентиров области.

В такой же роли пунктов, ограничивающих область Климатов, выступают они в главе 42, в которой содержится описание земель Северного Причерноморья при переходе от Фессалоники до Авассии (Абхазии) (1, с.170-177). Уже в заголовке ее обращает на себя внимание то, что маршрут следования имеет в качестве

⁸ В скобках помещены наши пояснения, уточняющие смысл отрывков.

⁹ Ко времени Константина Багрянородного византийская фема в Таврике носила название “фемы Херсона”, известной по Тактиконам Филофея и Бенешевича (19, с.100-101, 104-105, 138-139, 246-247).

ориентиров не только историко-географические области, но и конкретные пункты (города, крепости), предельные для них. Участок пути, интересующий нас, выглядит так: “до Херсона вместе с Боспором, в которых находятся крепости Климатов” (1, с.170-171). В тексте границы этой области уточняются: “От Херсона (крепости) до Боспора (крепости) расположены крепости Климатов, а расстояние 300 миль” (1, с.174-175). Таким образом, и в этом отрывке Климаты означают области византийской Таврики, ограниченные с запада Херсоном, а с востока — Боспором, под которыми подразумевались крепости (города).

Далее в этой главе говорится, что залив Меотиды (Азовского моря), соединяясь с Некропилами, образует некий канал и тем самым отделяет “находящуюся внутри всю землю (γῆ) Херсона и Климатов и землю Боспора” от материка (1, с.174-175). Однако, вряд ли в этом случае упоминаемые Херсон и Боспор не выступают в роли географических пределов области Климатов, так как ниже сообщается, что печенеги проходят через этот канал, уже со временем засыпанный, следуя “к Херсону, Боспору и Климатам” (1, с.174-175).

В связи с приведенными отрывками стоит сообщение Константина VII Багрянородного в другом сочинении “О фемах Запада”: “Двенадцатая фема — Херсонская. Херсон раньше не именовался фемой, равно как и не имел значения столицы области, но обладатели Боспора владели и самим Херсоном, и остальными климатами” (61, с.45).

Анализ сведений византийских источников, таким образом, позволяет прийти к следующим выводам. К концу VII в. область, где находился Херсонес Таврический, называлась Дори. В церковной литературной традиции, начиная с IX в., для обозначения ее используется географическое понятие “Готия”. В официальных византийских или близких к ним источниках IX-X вв. для определения данного региона используется термин “Климаты”, под которым в широком смысле понимаются области Таврики, входившие в состав Византийской империи или находившиеся под ее политическим и культурным влиянием, ограниченные территориально крепостями — Херсоном с запада и Боспором с востока, а в более узком значении — административные единицы, на которые делилась данная территория. Поэтому вполне закономерно использование этого названия для образованной весной-летом 841 г. в областях византийской Таврики фемы. Следовательно, утверждение, что область Климатов и фема с таким именем не может быть локализована в Крыму, безосновательно.

В историографии отсутствует единая точка зрения по поводу причин учреждения византийской фемы в Таврике в начале 40-х гг. IX в. Решение этого вопроса зависит от выяснения ряда проблем: характера византийско-хазарских отношений в этот период, роли и статуса Таврики в связи с ними, общей политической ситуации в Северном Причерноморье в первой половине IX в., которая вызвала необходимость укрепления позиций Хазарии и Византии в данном регионе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Костантин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
2. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб., 1992.
3. Куник А.А. О записке готского топарха // ЗАН. 1874. Т.24.

4. Вестберг Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП. 1908. Ч.14.
5. Вестберг Ф. Записка Готского Топарха // ВВ. 1908. Т.15. Вып.1.
6. Успенский Ф.И. Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX-X вв. // Киевская Старина. 1889. Т.25.
7. Знойко Н. О посольстве Калокира в Киеве // ЖМНП. 1907. Ч.8.
8. История Византии. М., 1967. Т.2.
9. Васильевский В.Г. О построении крепости Саркел // ЖМНП. 1889. Ч.265. №10.
10. Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. Киев, 1906.
11. Васильев А.А. Готы в Крыму // ИГАИМК. 1927. Т.5.
12. Васильев А.А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. СПб., 1900.
13. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. №63.
14. Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.-Л., 1964.
15. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
16. Dunlop D. The history of the Jewish Khasars. Princeton-New Jersey, 1954.
17. Ферлуга Я. Архонтат Далмации // ВВ. 1957. Т.12.
18. Божилев И. Аноним на Хазе. Болгария и Византия на долине Дуная в края на X век. София, 1979.
19. Oikonomides N. Les listes de préséance byzantines des IX-e - X-e siècles. Paris, 1972.
20. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
21. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.
22. Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Washington, 1991. V.1.
23. Успенский Ф.И. Патриарх Иоанн VII Грамматик и Русь-Дромиты у Симеона Магистра // ЖМНП. 1890. Ч.267. №.1.
24. Острогорски Г. Историја Византије. Београд, 1947.
25. Mango C. Historical Introduction // Iconoclasm. Birmingham, 1975.
26. Bryer A. Herrin J. Chronology // Iconoclasm. Birmingham, 1975.
27. Zuckerman C. Two notes on the early history of the thema of Cherson. (в печати).
28. Гилевич А.М. Новые материалы к нумизматике византийского Херсона // ВВ. 1992. Т.52.
29. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. - XII в.н.э.). Киев, 1977.
30. Баранов И.А. Административное устройство раннесредневекового Херсона // МАИЭТ. 1993. Вып. III
31. Mango C. The liquidation of Iconoclasm and the patriarch Photios // Iconoclasm. Birmingham, 1975.
32. Васильевский В.Г. Записка Готского Топарха // ЖМНП. 1876. Ч.185. № 5.
33. Ševčenko I. The date and author of the so-called fragments of toparcha Gothicus // DOP. Washington, 1971. 25.
34. Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского Халифата. М., 1988.
35. Бородин О. Географические знания // Культура Византии. Вторая половина VII-XII вв. М., 1989.
36. Райт Дж. Географические представления в эпоху крестовых походов М., 1988.
37. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: "Хронография" Феофана, "Бревиарий" Никифора. М., 1980.
38. Сидоренко В.А. "Готы" области Дори Прокопия Кесарийского и "длинные стены" в Крыму // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
39. Прокопий Кесарийский. О постройках // ВДИ. 1938. №4.
40. Соломоник Э.И., Домбровский О.И. О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.
41. Фирсов Л.В. О положении страны Дори в Таврике // ВВ. 1979. Т.40.
42. Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев, 1990.
43. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.

44. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
45. Тиханова М.А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. 1953. №34.
46. Сидоренко В.А. Некоторые ключевые моменты раннесредневековой истории Таврики // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). Тез. докл. Симферополь, 1994.
47. Кулаковский Ю.А. К истории готской епархии (в Крыму) в VIII в. // ЖМНП. 1898. Ч.315. №2.
48. Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // ЖМНП. 1878. Ч.195. №1.
49. Никитский А. Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готского // ЗООИД. 1883. Т.13.
50. Ševčenko I. Hagiography of the Iconoclast period // Iconoklasm. Birmingham, 1975.
51. Huxley G. On the Vita of John of Gotthia // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1978. V.19. n.2.
52. Mango C. Nikephoros patriarch of Constantinople Short History. Washington, 1990.
53. Герцен А.Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.
54. Darrouges J. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981.
55. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. О возникновении готской епархии в Таврике // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
56. Васильевский В.Г. Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян // Труды. СПб., 1909. Т. II. Вып. I.
57. Житие преподобного Феодора Студита. В 2-х томах. СПб., 1907-1908.
58. Лопарев Хр.М. Греческие жития святых VIII и IX веков. Пг., 1914.
59. Чичуров И.С. Место "Хронографии" Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV - начало IX вв.) // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. 1981 г. М., 1983.
60. Брун Ф. Черноморские готы и следы их долгого пребывания в южной России // Черноморье. Одесса, 1879. Ч.2.
61. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье // ИГАИМК. 1934. Вып.91.
62. Ohme H. Das Concilium Quinisextum und seine Bischofsliste (Studien zum Konstantinopeler Konzil von 692) // Arbeiten zum Kirchengeschichte. Berlin-New York, 1990.

V.E.NAUMENKO

ON THE PROBLEM OF THE NAME AND THE DATE OF THE
ESTABLISHMENT OF THE BYZANTINE THEMA IN TAURICA

Summary

The author examines the problems connected with the original history of Byzantine thema in Taurica. Critical reading of the known written sources on this problem enables us to make more precise the date of establishing thema in the Crimea and date this event back to the spring-summer of 841.

At first in Byzantine sources the Crimean thema was known as "Klimata". The analysis of the data in historic and hagiographic works, official church documents, sphragistic material shows that in the sources of the 9th-10th centuries this term meant the regions of Taurica, which were a part of the Byzantine empire or which were under her political and cultural influence. In territory they were bounded by the fortresses Cherson in the west and Bosporos in the east. In more specific aspect "Klimata" are administrative units, into which the territory of Taurica was divided. Hence, it is in order that this name of a newly established thema on the territory of Taurica is used.